

УДК 94(470.315)"18":677

**РАЗНОЦВЕТНЫЙ «РУССКИЙ МАНЧЕСТЕР»:
ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА**

К. Е. Балдин

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

В статье на примере города Иваново-Вознесенска рассматривается влияние текстильного, в частности красильного, производства на городскую среду в дореволюционный период. Автор останавливается на истории применения красителей в России. Переход от растительных и минеральных красителей в конце XIX в. неблагоприятно повлиял на условия труда в текстильной промышленности. Имеются многочисленные свидетельства вредного воздействия этих химикалий на организм работников и на окружающую урбанистическую среду. Таким образом, в текстильной промышленности Иваново-Вознесенска краски играли двойственную роль. С одной стороны, они способствовали эффективному функционированию производства, что обеспечивало десятки тысяч людей куском хлеба. С другой стороны, появившиеся синтетические красители стали источником серьезной опасности как для рабочих, непосредственно соприкасавшихся с ними, так и для окружающей среды.

Ключевые слова: текстильная промышленность, химическая промышленность, растительные красители, синтетические красители, колористы, условия труда рабочих, цвет как социальная категория, загрязнение окружающей среды, фальсификация пищевых продуктов.

**MULTICOLORED RUSSIAN MANCHESTER: THE TEXTILE INDUSTRY
OF THE PRE-REVOLUTIONARY IVANOVVO-VOSNESENSK**

K. E. BALDIN

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kebaldin@mail.ru

The article examines the impact of the textile industry and, in particular, the painting industry of Ivanovo-Voznesensk on the urban environment in the pre-revolutionary period. The author points out the chemical companies that supplied the textile factories in Ivanovo-Vosnesensk with dyes.

In the late 19th century there were certain developments, which have taken place in technologies of the textile industry. The introduction of synthetic dyes instead of vegetable and mineral materials has made this essential raw material much cheaper and more affordable. On the other hand, the use of synthetic dyes has dramatically worsened the working conditions of labourers. Poisonous fumes adversely affected the human body, causing a number of occupational diseases. In these circumstances, the factory owners has not made any efforts to ensure basic safety.

© Балдин К. Е., 2021

Ссылка для цитирования: Балдин К. Е. Разноцветный «русский Манчестер»: текстильная промышленность дореволюционного Иваново-Вознесенска // *Labyrinth: теории и практики культуры*. 2021. № 1. С. 13—28.

Citation Link: Markov, A. V. (2021) Raznocvetnyj «Russkij Manchester»: tekstil'naya promyshlennost' dorevolucionnogo Ivanovo-Voznesenska [Multicolored Russian Manchester: the textile industry of the pre-revolutionary Ivanovo-Vosnesensk], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 13—28.

In addition to extremely unfavorable changes in the human body, there were also external changes, in particular — in the coloration of the skin. The skin of the workers acquired an unnatural color, which indicated that their living conditions were bad, and that they were at a low level in the social hierarchy. Also, the color of the skin nonverbally pointed out in which division of the factory worked one or another person.

Synthetic dyes had a very harmful effect on the urban environment. The peculiarity of textile industry was that it caused harm not to air waste, but to water sources — rivers, wells, groundwater.

The author concludes that a variety of dyes played a dual role in the textile industry of Ivanovo-Voznesensk. On the one hand, they ensured the efficient operation of production, which gave work to thousands of textile workers. On the other hand, with the advent of synthetic dyes, they have become a source of serious danger both for workers, who were in direct contact with them, and for all local residents, who had constantly encountered this colorful, but dangerous world in the course of everyday life.

Key words: textile industry, chemical industry, vegetable dyes, synthetic dyes, colorists, working conditions, color as a social category, pollution, food falsification.

Постановка проблемы

Город прошлого, так же как и город современный, представлял собой сложный социальный организм. У него, помимо алгоритмов функционирования, системы ценностей, иерархии управленческих и общественных структур и т. п., были также свои цвета и звуки, свои специфические запахи и нередко — определенный вкус. В порядке анонса мы хотим предупредить читателя, что предпринимаем попытку проанализировать некоторые из перечисленных характеристик дореволюционного российского города в четырех тематических номерах журнала, посвященных в 2021 году цвету, звуку, запаху и вкусу.

Цвет представляет собой одну из категорий познания мира человеком. В то же время он является одним из ключевых культурных концептов. У каждого народа, начиная с детской стадии его развития, есть свои предпочтительные или характерные цвета, есть они и у государства. В английском языке неслучайно существует слово *colours* («цвета»), означающее флаг, штандарт, т. е. то, на что равняются и чем гордятся. В ряде случаев есть свои цвета, возникшие исторически, и у городов.

Эту урбанистическую окраску мы рассмотрим на примере Иваново-Вознесенска, одного из крупных промышленных центров дореволюционной России. В качестве хронологических рамок нами выбран довольно краткий период начала XX в. вплоть до событий 1917 г., которые заметно изменили цвет любого города, добавив в его палитру яркие красные акценты. Что касается 1900—1916 гг., то в это время промышленный переворот в стране в общих чертах закончился, и Иваново-Вознесенск уверенно позиционировал себя как столицу окружающего текстильного края и как «русский Манчестер». Впрочем, указанные нами хронологические рамки не исключают обращения к реалиям второй и даже первой половины XIX столетия.

Сужая тематические рамки нашего небольшого исследования, сразу оговоримся, что автор не намерен анализировать колер архитектурных памятников того периода, т. е., например, фабричных зданий или же, скажем, разноцветье ивановских тканей. Эти сюжеты уже рассматривались в ряде культурологических и искусствоведческих работ [Тимофеев, 2007; Арсеньева, 1983].

Узкими объектами нашего исследования стали краски, употребляемые в текстильном производстве, и специалисты, которые в этой промышленной среде отвечали за окраску тканей. Предметом статьи является распространение этих красок в окружающей среде, а также процесс их воздействия на урбанистическую среду и людей, живших в ней.

В художественной литературе конца XIX столетия сформировался так называемый «черный миф» об Иваново-Вознесенске. Авторами его были уроженцы текстильного края Ф. Д. Нефедов, В. А. Рязанцев, С. Ф. Рыскин и другие литераторы, так или иначе тяготевшие к критическому реализму. Причины складывавшегося негативного имиджа промышленного села, а потом и города были многообразными. С одной стороны, существовал общий критический настрой, который отчетливо просматривался в литературном процессе тех лет, с другой — психологическая и нравственная обстановка в Иваново-Вознесенске в период первоначального накопления капиталов действительно не располагала к позитивной рефлексии, с третьей — давали себя знать личные обиды авторов на не очень удачно сложившуюся жизнь.

Ф. Д. Нефедов, прямо назвавший в одном из своих произведений Иваново «чертовым болотом», так описывал впечатления человека, который впервые увидел Иваново-Вознесенск, но пока издалека: «...перед вами открывается прекрасный город с каменными зданиями, множеством высоких труб и богатыми храмами, золотые главы которых так и ослепляют глаза». Совершенно иная картина открывалась тогда, когда гость оказывался непосредственно на улицах: «Куда девался город, которым вы восхищались? Нет больше его, он исчез! Вместо красивого города вы уже видите сплошную массу почерневших от ветхости деревянных построек, раскинутых на шестиверстном пространстве, да изредка и кое-где из-за них выставляются каменные дома купцов и длинные корпуса фабрик; везде солома и тес, покрывающие хижины и жилища манчестерцев» [Нефедов, 1959]. Не добавляло ярких красок в облик Иваново-Вознесенска и творчество поэта С. Ф. Рыскина. Широкою известность получили его строки:

Манчестера русского трубы дымят, —
И дым пеленою тяжелой
Скрывает усталого солнца закат
За ближнюю рощей сосновой [Рыскин].

Еще один иваново-вознесенец, но более позднего поколения — советский писатель Д. А. Фурманов прямо называет Иваново «черным городом» в одной из своих публицистических статей, напечатанных в центральной прессе в 1920 г. [Таганов, 2006].

Как нам представляется, Иваново-Вознесенск на самом деле был городом не только черным. При внимательном рассмотрении он оказывался по-своему разноцветным. Эта характеристика отразилась в его дореволюционном бренде — «ситцевое царство». Ивановские ситцы, как известно, радовали покупателей настоящим буйством красок. Однако это разноцветье в дореволюционное время имело не только позитивную, но и негативную окраску, что мы намерены доказать читателям в этой статье.

Ремесленное текстильное производство в селе Иваново — предшественнике города Иваново-Вознесенска — развивалось, по документальным данным, еще в XVII в. В следующем столетии появились уже крупные мануфактурные заведения, а с 20—30-х гг. XIX в. — предприятия фабричного типа, производившие хлопчатобумажные ткани. Как известно, производство тканей осуществляется в три этапа. Первый из них — прядение, конечной продукцией его являются нитки. Второй — ткачество, в ходе которого из заправленных в ткацкий станок ниток получается суровье, т. е. суровая (неокрашенная) ткань. Третий и последний — отделка, окраска тканей. Так исторически сложилось, что основной отраслью в селе Иваново, а затем в Иваново-Вознесенске стала отделка. В XIX — начале XX в. ткацких фабрик здесь было значительно меньше, чем красильных и ситценабивных, а прядильных насчитывались буквально единицы. Все, что было связано с окраской тканей, — поиск источников получения сырья, методы отделки, стоимость таких работ и т. п., имело

первостепенное значение для «русского Манчестера». Это был город прежде всего не ткачей или прядильщиков, а красильщиков, красоваров, ситцепечатников, гравиров, раклистов, заварщиков.

До последних десятилетий XIX в. в Иваново-Вознесенске на отделочных фабриках использовались краски в основном растительного или же минерального происхождения. Широко применялся корень марены, которая произрастала в районе Дербента (Дагестан) и около Хивы (Средняя Азия). Дербентская марена красила ткани в красный цвет, хивинская же давала больше желтизны. Дикорастущую марену собирали в основном в возрасте трех лет, но на плантациях вырывали и на более ранней стадии вегетации. Разновидности того же растения произрастали не только в южных районах страны. В Центральной России был распространен подмаренник, и хотя это было слабокрасящее вещество, но сельские жители использовали его [Владимирские губернские ведомости, 1857, № 49]. Попутно отметим, что слово «марена» происходит от слова «мать», т. е. красить.

Кроме дербентской и бухарской марены, использовались такие ее виды, как астраханская, цареградская, персидская. Цвета, которые давала марена, — черный и красный. Голубую краску получали из лазури, желтую — из цитрона и охры, индиго давало синий цвет. В Иванове, как авторитетно свидетельствовал Я. П. Гарелин, употреблялось бенгальское индиго, которое стоило 160—180 рублей за пуд [Гарелин, 1884]. Эти краски первой половины и середины XIX в. в более позднее время, когда в отделке наступила эра синтетических красителей, считались гораздо менее вредными (что было совершенно справедливым) и вдобавок более прочными. Полагали, что ткани, отделанные растительными красителями, меньше линяют и не застирываются. Ивановский мемуарист И. Волков в своих воспоминаниях писал, что его бабушка не любила разные «фуксины». Она утверждала: краски раньше сидели на тканях гораздо крепче, потому что тогда использовали натуральное сырье — сурик, охру, обычную печную сажу, замешивали эти ингредиенты на самом лучшем льняном масле, а потом долго парили в «посире» (так назывался в профессиональном языке местных текстильщиков разведенный коровий навоз) [Волков, 1945; ГАИО, ф. 420, оп. 1, д. 1, с. 7].

Методы исследования

Автором использованы в работе специальные методы исторического исследования. Во-первых, это историко-генетический метод, который позволяет рассматривать явления в их диалектическом развитии. Автор с помощью этого метода предполагает показать, как развивались химическая промышленность и применение красок в России, какие качественные изменения в них происходили. Во-вторых, использовался историко-системный метод, позволяющий рассматривать развитие химического, красильного производства в Иваново-Вознесенске как часть аналогичной индустрии в целом в стране. В-третьих, нами применялся историко-сравнительный метод, который позволил сравнить воздействие растительных и синтетических красителей на работников и окружающую среду.

При разработке данной проблемы автор использовал такой универсальный научный метод, как диалектический, позволяющий рассматривать каждое явление в развитии. Использовался также принцип историзма, который дает возможность изучать предмет исследования в совершенно конкретных исторических условиях.

Химические предприятия и специалисты по окраске тканей

Первые более или менее значительные предприятия по производству красителей появились в Иваново-Вознесенске с началом промышленного переворота. Пальма первенства здесь принадлежит московскому купцу Василию Логиновичу Лепешкину, в 1839 г. основавшему завод в Дмитриевской слободе рядом с селом

Иваново. Одним из важных видов продукции, которая производилась на этом предприятии, был крап, изготавливавшийся из марены. Здесь действовала мельница для ее измельчения, а также машина для растирания еще одного вида красящего растительного сырья — сандала [Владимирские губернские ведомости, 1848, № 2; 1855, № 9].

В середине — второй половине XIX и в начале XX века в Иваново (Иваново-Вознесенске) работали несколько мелких химических предприятий, которые появлялись и со временем исчезали, не выдержав конкуренции. Фабрикант и краевед Я. П. Гарелин называет функционировавший в 1850-х гг. небольшой заводик Н. Ф. Потехина, есть сведения также о химическом заведении купца Н. И. Матвеевского [там же, 1858, № 8; 1859, № 1].

Со временем натуральные красители постепенно уступили место синтетическим. Еще в первой половине XIX в. русский ученый Н. И. Зинин получил анилин из нитробензола. Через некоторое время было синтезировано другое красящее вещество — фуксин. С 1860-х гг. немецкий химик А. Байер проводил исследования внутреннего строения индиго, которое неслучайно называли королем красителей. В 1880 г. он, наконец, получил искусственное индиго. С конца XIX в. наступает эра синтетических красителей, которые были заметно дешевле натуральных. Кроме того, их можно было получать в любых количествах, а ресурсы растительного сырья были все же ограничены. Ведущую роль в мире стала играть немецкая промышленность синтетических красителей [Виргинский, Хотеевков, 1988].

Именно в Германии, а также в Швейцарии покупали это важное сырье иваново-вознесенские предприниматели-ситцевики. Среди главных поставщиков красителей в «русском Манчестере» следует назвать торгово-промышленное товарищество «Т. Гандшин и Ко». Хотя фамилия Гандшин в первом приближении звучит по-русски, на самом же деле Гандшины (а точнее, Хандшины) — швейцарцы. Их представителем в Иваново-Вознесенске являлся швейцарский гражданин Александр Яковлевич Дюрингер. Другой крупной компанией, продававшей красители в Иваново-Вознесенске, была фирма «Фридрих Байер и Ко», принадлежавшая немцам. Ее представителем в текстильном крае являлся Владимир Францевич Штробиндер [Тихомиров, 2011].

Вследствие жесткой конкуренции крупных иностранных химических предприятий ивановский завод Лепешкина хотя и не разорился, но фактически прекратил выпуск красителей. Во всероссийском справочнике фабрик и заводов от 1914 г. сообщалось, что это заведение производило довольно обширную линейку химических товаров, необходимых как в текстильном производстве, так и в других отраслях, — серную, соляную, уксусную кислоты, оловянную и свинцовую соли и т. п. [Фабрично-заводские предприятия... , 1914].

В этом контексте значительный интерес представляет совсем небольшое химическое предприятие, хозяин которого все же решил производить синтетические краски, бросив вызов сильным конкурентам. Этот заводик завел в Иваново-Вознесенске Илья Евсеевич Черняк, закончивший химическое отделение университета в Женеве. Некоторое время его заведение успешно работало, продукция пользовалась спросом. Затем Черняк уехал за границу и производство было свернуто [Бяковский, 1998]. Иваново-вознесенский предприниматель И. Е. Черняк являлся отцом Натальи Черняк, которая гораздо более известна в истории мировой литературы как Натали Саррот, французская писательница, основоположница литературного направления «нового романа».

В ее автобиографическом романе «Детство» сохранилось описание отцовской фабрики в Иваново-Вознесенске, где ей особенно запомнилась многоцветная палитра красок, не привлекавшая, а скорее раздражавшая маленькую девочку: «Меня привезли за папой на его “фабрику”, где он работает весь день... я прохожу через

большой грязный двор, потом через барак с земляным полом, мне приходится перепрыгивать через ручейки и лужи — синие, желтые, красные... между бочками и тележками ходят бородатые люди в картузах и высоких сапогах... запах тут не такой тошнотворный, как запах уксуса, но я все же стараюсь почти не дышать, настолько он неприятный, острый, кислый...» [Саррот].

Серьезная зависимость отечественной текстильной промышленности от поставок с немецких химических заводов в полной мере дала себя знать в начале Первой мировой войны, когда импорт красителей из Германии прекратился. Правительству и частным предпринимателям пришлось заниматься тем, что сейчас называется импортозамещением, и срочно предпринимать меры для налаживания производства красителей в России. В 1915 г. был утвержден устав Товарищества на паях химического производства в Иваново-Вознесенске. Учредителями его выступили почти все крупные текстильные фабриканты «русского Манчестера» — Бурылины, Гандурины, Гарелины, Дербеневы, Зубковы, Маракушевы, Полушины, Щаповы [ГАВО, ф. 14, оп. 6, д. 1439, л. 1]. Однако эта инициатива толком не была реализована до революционных событий 1917 года.

За окраску тканей на фабриках ответственность несли особые специалисты, называвшиеся колористами и представлявшие собой настоящую аристократию фабричных служащих. На любом красильном предприятии колорист являлся правой рукой хозяина. От его профессиональной подготовки и практического мастерства во многом зависела стойкость красок, т. е. качество тканей, а следовательно, и благополучие фирмы. Покупатели ценили ситцы, которые отличались яркими красками, не застирывались и не линяли, такую продукцию оптовики покупали охотно и не скупились на расходы. Часто колористами на иваново-вознесенских предприятиях являлись иностранцы. Судя по всему, первыми такими специалистами еще в селе Иваново были некий Бургсдорф, который проработал у Гарелиных 28 лет, а также Барук, Геббель и др. Приглашенные колористы по условиям контрактов обязывались передавать свои профессиональные знания и умения детям фабрикантов. Именно таким путем обучился этому мастерству Иван Никонович Гарелин, так как его отец Н. М. Гарелин пригласил на свое предприятие иноземца [Арсеньева, 1983].

Очень часто среди колористов присутствовали поляки. Большинство из них окончили соответствующие профессиональные школы, получили практический опыт на предприятиях в Германии или в русской Польше. В последней текстильная промышленность была хорошо развита; неслучайно большой город Лодзь называли «польским Манчестером». Среди ивановских ситцевиков было престижно иметь на фабрике колориста с берегов Лудки, так как в то время в России поляк считался как бы «немного иностранцем».

Обратимся к личностям конкретных колористов, трудившихся на предприятиях «русского Манчестера». Особенно много поляков работало на крупнейшей фабрике Иваново-Вознесенска — Куваевской мануфактуре. Создается впечатление, что чета Н. Г. и Н. Х. Бурылиных, владевшая этим предприятием, была явно неравнодушна к «ясновельможным» специалистам. Шляхтич Владимир Мечиславович Глищинский трудился здесь с 1904 г., до этого закончив мануфактурное училище в Лодзи. Еще один дворянин Владимир Сигизмундович Плужанский был не просто колористом, а членом совета директоров Товарищества Куваевской мануфактуры. Ранее он работал на крупнейшей текстильной фабрике Москвы — Прохоровской мануфактуре. Другие колористы Куваевской мануфактуры — Г. А. Флейшнер, В. Ю. Эборович, В. С. Червинский поработали до приезда в Иваново-Вознесенск на той же Прохоровской мануфактуре, на фабрике Мараевой в подмосковном Серпухове и др. Еще на одном крупном ивановском предприятии — фабрике Полушина колористом служил В. Р. Келбасинский, до этого он трудился на фабрике красок Швейкерта и Резингера в Пабьянице (Польша) и на ситцевой фабрике Шлиппер-

баума в Германии [ГАИО, ф. 4, оп. 1, д. 1454, л. 2, 2 а, 8, 13]. Колористами на различных предприятиях Иваново-Вознесенска в конце XIX — начале XX в. также являлись Христиан Иванович Гольдер, Василий Адольфович Фераман, Людвиг Павлович Ауэр [Тихомиров, 2011].

Кроме колористов с соответствующим профессиональным образованием, в отделочных цехах ивановских фабрик было немало местных химиков-практиков, которые учились непосредственно «у куба». Аналогичное выражение «у станка» здесь не подходит, так как в отделочном производстве одним из главных элементов оборудования являлся большой чан, в котором ткани заваривали или вымачивали в красках. На профессиональном языке текстильщиков эти емкости назывались «кубы». Для таких химиков-практиков в старом Иванове тоже существовало свое название — «красовары». Иногда в этот термин пробиравась буква «к», и их именовали «красковары», но в литературе автор чаще встречал первый из двух вариантов. Среди них попадались способные и даже талантливые народные умельцы, т. к. свои Кулибины и Ползуновы в России никогда не переводились. Об одном из них с любовью поведал на страницах своих мемуаров Иван Андреянович Волков. С любовью — потому что этот умелец Андреян Волков был его родным отцом, десятки лет трудившимся на иваново-вознесенской фабрике Кокушкина и Маракушева.

И. А. Волков, вспоминая свои детские годы, отмечал, что отец, будучи человеком, безусловно, творческим, не ограничивался многочасовой работой на фабрике. По воскресениям и по праздничным дням он спускался в подполье, где им была оборудована домашняя химическая лаборатория. Он оставался там часами, экспериментируя с красками. Иногда отец разрешал юному Ивану посидеть рядом с ним и наблюдать за тем, как творится своеобразная иваново-вознесенская алхимия.

Ивану Волкову в лаборатории запомнились старинные книги, судя по всему — рукописные. Их переплеты были оклеены холстом и испачканы разноцветными красками, листы книг отливали синевой. На обложке одной из них рукой отца было написано заглавие: «Книга фабричных секретов, сиречь, как составлять краски и товар белить и заваривать». На второй книге рукой какого-то безвестного красовара было выведено: «Как куба чередить, вайу варить, кашу запарную составить и прочие рецепты, до фабричного дела относящиеся». В данном контексте слово «вайя» означало, вероятно, ветки, листья, т. к. до внедрения в практику синтетических красок использовалось растительное сырье [Даль, 1956]. Запарной кашей назывался густой раствор краски для запаривания (особый способ окраски) тканей с применением пара.

В книге И. А. Волкова приводятся два затейливых рецепта из старинных книг, которыми пользовался его отец. Один из них выглядел так: «Налей в чан теплой речной воды 70 ведер. Раствори в воде поташу 10 фунтов. Еще жидкости босиру 4 фунта. Размешай все это хорошенько. Потом влей масла деревянного 5 фунт. Все размешай как можно хорошенько. В оную жидкость клади товару 60 фунт. Дай ему лежать в оной 12 часов». Встречающийся в тексте термин «босир» означает то же, что и «посир», этот термин комментировался нами выше.

Другой рецепт самодеятельных ивановских алхимиков назывался: «Как набивать синим фаянсовым цветом». Для этого нужно было проделать следующее: «Изотри самого лучшего индигу с равной долей сапожного купороса или взяв полтора фунта купоросу на фунт индига. Сотри все это на каменной плите или в ручных жерновах — пока не обратится в маслянистость и подобным сделается как бы студень. Если хочешь дать краске тень более густую, прибавь к ней камеди. Перед употреблением в дело снова разотри краску хорошенько и таковой набивай товар, соблюдая тщание в работе».

Отец Ивана Волкова внимательно изучал старинные рецепты. Одновременно он пытался варить настой из обрезков старой кожи, кусков ржавого железа и каких-то минералов, поливая их кислотами. Тогда из подполья сквозь щели в из-

бу проникал едкий пар. Однажды отец вылез из своей мастерской с блестящими от возбуждения глазами и сказал своей жене: «Знаешь, Дарьюшка, я такое могу удумать... Такое, что ситец будет похож на шелк». При этом он показал небольшие лоскутки, которые по виду действительно напоминали шелковую ткань. Для дальнейших опытов ему был нужен замысловатый аппарат, но на постройку его, по расчетам отца, требовалось не менее 100 рублей. Хозяин фабрики Константин Маракушев в субсидии отказал, при этом еще и выругал Андреяна Волкова за его слишком дорогостоящие «выдумки».

Впрочем, так было не всегда. Когда Волков-старший изобретал что-то полезное, он радовался как дитя и бежал к хозяину поделиться своим рационализаторским предложением. За придуманные рецепты хозяин выдавал ему по 3 рубля «на чай и сахар» [Волков, 1945].

Условия труда на красильных предприятиях

Любая текстильная фабрика производила на постороннего человека, никогда не бывавшего на этом производстве, очень большое впечатление. Оно однозначно было непозитивным и особенно удручающим — от красильно-отделочного производства. Владимирская губернская газета «Клязьма» повествовала об экскурсии в красильный цех человека, который впервые приехал в Иваново-Вознесенск и был совершенно не знаком с реалиями фабричной жизни. Желание зайти внутрь цеха пропало уже на фабричном дворе, так как голова начинала кружиться от удушливого запаха. Шагнуть в помещение гость решился не сразу, предварительно закрыв рот и нос платком. Когда летом 1901 г. в Иваново-Вознесенск приехал такой высокопоставленный визитер, как министр внутренних дел Д. С. Сипягин, то на местных фабриках он все же побывал, но в красильное отделение его отвести не решились [Клязьма, 1906, № 12].

Сразу нужно отметить, что среди коренных жителей Иваново-Вознесенска, хорошо знавших особенности отделочного производства, почти не находилось желающих работать там за любые деньги. Тем более что платили за этот труд совсем не «любые», а очень небольшие деньги, если учитывать степень его вредности. На работу с ядовитыми красками нанимались люди пришлые, причем даже не из Владимирской или Костромской губерний. В заварках, запарках, зрельниках, сушилках (так назывались подразделения отделочной фабрики) можно было встретить бывших крестьян из очень дальних губерний. Жили они в «спальнях», т. е. общежитиях при фабриках, там же столовались, а пределы фабричной территории покидали только в выходные дни. Местные жители, даже оказавшись без работы, шли на красильные фабрики только в случае крайней нужды [Старый владимирец, 1911, № 28].

Никакой техники безопасности здесь не было. Вентиляция, которая удаляла бы из помещений вредные испарения красок, отсутствовала. Рабочие при печатных машинах, которые накатывали на ткани анилиновые красители, сами мастерили примитивные маски — завязывали кусками ситца рот и нос. Краску с рук отмывали с помощью хлорной извести, тоже очень ядовитой. Рабочие, надышавшиеся анилином, иногда падали в обморок, и их выносили отдышаться на свежий воздух [Владимирская газета, 1903, № 41; Старый владимирец, 1908, № 75; 1910, № 204, 284].

Анилиновые краски преследовали рабочих не только в отделочных, но и на ткацких фабриках. На предприятии Д. Г. Бурылина в 1910 г. у ткачей получили широкое распространение заболевания десен, горла и глаз. Со временем поняли, что причиной этого стала пряжа; в ткацком цеху она использовалась не суровая, а окрашенная анилиновой краской. Рабочие, прежде чем вставить в челнок очередной початок с пряжей, должны были продуть челнок. При этом ядовитая пыль попадала им в носоглотку и в глаза. Текстильщики обратились по этому поводу к директору предприятия, вызвали фабричного инспектора и врача. Те констатиро-

вали множественные факты заболеваний, но все осталось по-прежнему [Старый владимирец, 1910, № 262].

В качестве иллюстрации крайнего вреда синтетических красок для здоровья трудящихся приведем в кратком пересказе небольшой очерк, который был опубликован в «Старом владимирце» в бытописательном цикле «Фабричные силуэты». Героем этого очерка являлся рабочий по имени Иван и по кличке Жук. Он прошел характерную для чернорабочего лестницу профессий. Пятнадцатилетним подростком он жарился в сушилке, где температура достигала +50⁰. Потом работал на галандре, тупо, до одури глядя по 10—11 часов на бегущую перед ним ленту ситца. Трудясь в красоварке, он целыми днями вдыхал ядовитый пар варящихся здесь красок. Затем таскал на плечах тяжелые, непосильные для него кипы только что набитых тканей, которые источали тот же неповторимый аромат анилиновых красок. Теперь, когда Ивану Жуку уже под сорок, у него не хватает двух пальцев на руке, на глазах бельмы, в груди по ночам ухаёт и клокочет. Он — отчаянный пьяница и пропивает большую часть своего небольшого жалованья в 15—16 рублей. В пьяном виде он яро ругает фабричные порядки, а в трезвом виде тих и исполнительен. Из-за пьянства он каждые несколько месяцев путешествует с одной фабрики на другую [Старый владимирец, 1910, № 260].

Атмосфера фабричного производства была до такой степени токсичной, что влияла не только на организм человека, но и на его внешность и окружающие предметы, заметно изменяя их окраску. Корреспондент «Старого владимирца» писал, что в красильном отделении Куваевской мануфактуры лист белой бумаги очень скоро приобретает лимонный цвет в результате испарений от красок. Там же в более поздней публикации отмечалось, что если в граверной мастерской оставить с утра газету, то к вечеру она приобретала явственный желтый цвет [Старый владимирец, 1903, № 41; 1911, № 78].

Изменяла цвет не только бумага. В очерках И. Ведины «Ситцевое царство» автор повествует о рабочем-текстильщике, который настолько перемазан в краске, что трудно понять, «к какой человеческой расе он относится» [Владимирская газета, 1903, № 37]. В другой публикации «расовая принадлежность» некоторых ивановских текстильщиков озвучена более определенно: в фабричном дворе, где все «дышит трудом и суетливой деятельностью», возле закопченного здания с надписью «Химическое отделение» стоят и передвигаются группы людей «черных, как негры» [Старый владимирец, 1910, № 242].

В следующем году, вероятно, тот же репортер, внимательнее приглядевшись к представителям местного пролетариата, отметил у них далеко не один оттенок кожи, причем цвета были совсем не врожденными, а «благоприобретенными». Автор увидел этих людей на базаре в центре Иваново-Вознесенска и путем опроса определил, что цвет кожи напрямую зависел от работы в том или ином подразделении отделочного производства.

Те, кто работали в кубовом отделении, приобретали синий цвет. Он ядовит и держится довольно прочно. Красно-бордовые люди трудились в заварке, где в ходе крайне вредного производственного процесса вырабатывали бордовые и пунцовые ситцы. Эти красители тоже ядовиты, и одежда служит ненадежной защитой от них. Даже особо едкий порошок, которым моют руки в заварке, являлся только паллиативом. Наконец, сине-зеленая окраска кожи свидетельствует о том, что рабочие имеют дело с черным анилином в так называемом зрельном отделении (или зрельнике). Эта краска совсем не отмывалась и впитывалась в кожу навечно. Автор, считая себя компетентным в вопросах медицины, утверждал, что она имеет свойство проникать сквозь кожу в организм и расшатывать нервы [Старый владимирец, 1911, № 28].

Красители в окружающей среде

Естественно, краски, употреблявшиеся на отделочных предприятиях, теми или иными путями, в той или иной концентрации попадали в городскую среду, так как любая фабрика не была изолированным от окружающего мира пространством. Краски и прочие химикалии впитывались в землю, спускались на фабриках в поглощающие колодцы, а оттуда попадали в грунтовые воды. От них, в свою очередь, питались колодцы общего пользования на улицах, расположенных рядом с фабричными территориями.

На улице Негорелой (ныне — Советская) с весны 1902 г. ранее чистая колодезная вода вдруг стала разноцветной: сегодня — красной, завтра — голубой, послезавтра — зеленой. О происхождении этих метаморфоз жители улицы догадались быстро: рядом была расположена отделочная фабрика А. М. Гандурина. Они просили администрацию фабрики прекратить закачивать отработанные воды с красками в поглощающие колодцы, но отклика не получили. Результатом их обращения в полицию стал визит городского врача П. А. Алявдина в сопровождении полицейских. Они осмотрели колодец, после чего Алявдин распорядился закрыть его, поскольку вода в нем была опасна для употребления в пищу. Продолжать писать жалобы на администрацию и хозяев фабрики жители не решались, так как некоторые из них трудились на этом предприятии [Владимирская газета, 1903, № 29]. В более поздних публикациях местной прессы нами было найдено сообщение о том, что «невезучий» колодец жители завалили землей, а место его разровняли [Старый владимирец, 1910, № 251].

Краски попадали не только в колодцы, но и в ручьи, которых в дореволюционном Иваново-Вознесенске было довольно много. Местная пресса в 1909 г. сообщала, что некий «невзрачный мужичонка Б.» с Ново-Завражной улицы завел небольшую кустарную мастерскую, в которой по заказам местных жителей брался красить юбки, кофты и другие предметы одежды. Остатки краски он сливал в ручей, из которого после этого уже нельзя было брать воду даже для хозяйственных надобностей. Судя по топографическим ориентирам, красильня находилась в районе современной улицы Володарского. Таким образом, ясно, что ручьем, куда попадали отходы из мастерской, являлся Кокуй, который в полутора верстах от точки сброса краски впадал в реку Уводь [Ивановский листок, 1909, № 168].

Неподалеку от красильни на Ново-Завражной улице находилась на 2-й Панской-Завражной торговая баня Филиппова. Слово «торговая» означало, что сюда окрестных жителей пускали мыться за определенную плату, так как далеко не у каждого из них была своя баня. Но основной промысел Филиппова был все же не банным, он являлся довольно известным в Иваново-Вознесенске подрядчиком малярных работ. В помещении бани, когда ее не топили для клиентов, работники Филиппова растирали краску, в том числе токсичную ярь-медянку. В зависимости от компонентов она давала разные оттенки зеленого или синего цветов. Не всем жителям было приятно мыться в этой бане с налетом краски изнутри, но делать было нечего: до других торговых бань, располагавшихся в центре города, идти было далеко [Ивановский листок, 1909, № 185].

Общая характерная особенность двух перечисленных выше заведений — красильни и токсичной бани — заключалась в том, что оба находились на окраине города. Они, как и многие другие ремесленные, торговые и прочие заведения, из-за своей отдаленности от центра либо вообще не подвергались санитарному надзору, либо такие ревизии делались крайне редко.

Краски, применявшиеся на фабриках, активно прокладывали себе дорогу в местную кустарную пищевую промышленность. На страницах губернской газеты в 1911 г. сообщалось, что анализ клюквенного кваса, купленного у торговца, дал просто шокирующие результаты. Квас представлял собой растворенную в воде

патоку, подслащенную сахарином и подкрашенную анилиновой краской [Старый владимирец, 1911, № 38].

Такого рода сообщения встречались на страницах газеты часто и в большинстве своем не были выдумками газетных репортеров. Реальность присутствия фабричных красок в пищевых продуктах подтверждается архивными документами. Городовой врач П. А. Алявдин сообщал в 1911 г. в городскую управу, что им были взяты пробы различных съестных продуктов, продававшихся в Иваново-Вознесенске. В том числе он проанализировал 9 проб кваса, продававшегося вразнос на улицах. Все они содержали запрещенные для употребления в пищевых продуктах анилиновые краски, а также патоку и различные эссенции, добавленные «для вкуса». 25 проб якобы фруктовых напитков дали аналогичный результат, показав присутствие анилиновых красок, патоки и следы тяжелых металлов (свинца). Анализировались также образцы дешевых конфет местного производства, в них были найдены те же краски и салициловая кислота. В продававшемся виноградном, т. е. пищевом, уксусе нашли серную кислоту в связанном состоянии. Были произведены контрольные закупки спиртных напитков. В «лиссабонском» (!) вине обнаружили опять анилиновые краски и следы серной кислоты в виде солей [ГАИО, ф. 2, оп. 1, д. 4757, л. 2].

Наверняка это «лиссабонское» вино с анилиновыми красками было произведено отнюдь не в Португалии, а кустарным способом сфабриковано где-либо на окраине Иваново-Вознесенска. Как не вспомнить в этой связи эпизод с краской для волос из бессмертного романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». В нем Ипполит Матвеевич Воробьянинов купил себе какой-то субстрат, чтобы в целях конспирации покрасить себе усы. Аптекарь, продавший краску, клялся, что она очень эффективная и получена из-за границы контрабандой. Тем не менее усы после употребления ее получились не черными, как обещал продавец, а зелеными. Остап Бендер, посмеявшись, сказал бывшему уездному предводителю дворянства, что вся контрабанда делается в Одессе на Малой Арнаутской улице. Это выражение уже давно стало крылатым. В Иваново-Вознесенске, вероятно, роль Малой Арнаутской выполняла какая-нибудь Ново-Завражная улица.

Следует с сожалением констатировать, что Иваново-Вознесенску не повезло с рекой, на берегах которой он расположился. Увось относилась к разряду средних рек, не будучи ни очень маленькой, ни тем более большой. Здесь можно провести пока не замеченную региональными историками параллель «русского Манчестера» с Манчестером английским. Речка Эруэлл, на которой стоит этот центр британской текстильной промышленности, тоже невелика, она даже меньше, чем Увось. Если протяженность главной ивановской реки — 185 километров, то Эруэлл в три раза короче — 63 километра, хотя в черте города местами выглядит более полноводной.

Еще в 80-х гг. XIX века в Уводи ниже Иваново-Вознесенска, по свидетельству современников, водились окуни, щуки, язи и даже голавли. Рыбы было столько, что она иногда попадалась, если черпали ведром воду из реки. Все изменилось, когда фабрики в самом конце XIX в. начали сбрасывать в Увось отходы красильного производства, основанного на употреблении ядовитых синтетических красок. Воду в «небезучей» реке стали называть водой смерти, она из-за сбросов приобрела нехороший радужный оттенок [Рабочий край, 1919, № 85; Старый владимирец, 1910, № 228].

Фабричный инспектор В. Дадонов в своих очерках о жизни города, опубликованных в журнале «Русское богатство», заметил, что на берегах Уводи осока, камыши и мелкий кустарник стоят «словно обожженные». Если выкупаться в реке, то, как ему сказали, кожа покрывается сыпью и болит. Скот, напившись в жару из Уводи, часто умирает. После весеннего разлива в низких местах оседают нефть и какие-то химикалии, не давая расти траве [Дадонов, 1900]. Однажды, как сообщала

местная газета в 1903 г., река в черте города запылала (вероятно, от неосторожно брошенного окурка) и некоторое время горела, при этом дым отличался крайне неприятным запахом [Владимирская газета, 1903, № 138].

Через два года после публикации В. Дадонова во «Владимирской газете» появилась информация о том, что фабриканты предпочитают спускать различные химикалии в Уводь в зимнее время: подо льдом это было не так заметно. После сбросов, по словам местных жителей, вода в реке «сдыхается» и из прорубей начинает идти дурной запах. Крестьяне в деревнях, расположенных на Уводи ниже «русского Манчестера», никогда не брали воду из реки не только для питья, но даже для бани. Они пользовались прудами, родниками, колодцами, зимой — талым снегом, но ни в коем случае не речной водой [Владимирская газета, 1902, № 16].

Загрязнение Уводи стало поводом для перепалки в III Государственной думе между двумя иваново-вознесенскими депутатами — октябристом, владельцем фабрики Л. Н. Зубковым и социал-демократом С. А. Ворониным. Последний справедливо обвинял местных текстильных предпринимателей в скверном состоянии реки [Старый владимирец, 1912, № 110].

На загрязнение Уводи обратил внимание приехавший в 1901 г. в Иваново-Вознесенск министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Он потребовал от фабрикантов прекратить сброс в реку фабричных отходов или по крайней мере установить эффективные улавливающие фильтры. Фабриканты обещали что-то сделать, но, воспользовавшись гибелью Сипягина от руки террориста в 1902 г., продолжали вести дела по-старому. Наконец широкая экологическая кампания в периодической печати, воздействие общественного мнения заставили промышленников принять определенные меры. Вдоль Уводи для сброса отходов был построен канал или, как называли его в Иваново-Вознесенске, «лоток». Его соорудили из бетона и дерева, ширина его составляла около трех футов. Лоток был открытым и, по сообщению корреспондента местной газеты, с моста через Уводь было видно, как по нему «с бешеной быстротой» неслись отработанные воды. Газетный репортер особо отметил цвет этого потока, который показался ему просто зловещим — «бурокровавым» [Старый владимирец, 1910, № 206, 228].

После прокладки лотка речная вода в черте города стала значительно чище, чем раньше. Теперь на берегу реки можно было встретить рыболовов с удочками. Траву, скошенную в городе на берегу, без последствий давали скоту на корм. В 1914 г. возле Дербеневского моста даже открылась лодочная станция, и ивановцы впервые за много лет имели возможность совершать на веслах речные прогулки. Однако лоток заканчивался сразу за городской чертой, ниже по течению вода оставалась такой же опасной, как и ранее [Старый владимирец, 1909, № 166; Ивановский листок, 1914, № 97].

Разноцветная вода в Уводи порой преподносила жителям такие сюрпризы, до которых не могла додуматься самая буйная фантазия. Об одной такой истории поведали своим читателям одновременно газеты «Старый владимирец» и «Ивановский листок».

Молодой человек, житель Иваново-Вознесенска, искупался в Уводи. Трудно поверить, что он это сделал в адекватном состоянии (может быть, под влиянием винных паров), так как ивановцы хорошо знали, что река для купания совершенно не пригодна. Не успел он дойти до дома, как кожа покрылась темными пятнами, вскоре он стал в полном смысле этого слова чернокожим. Не на шутку испугавшись, он пошел в одну из местных амбулаторий. Врачи, в практике которых такого случая никогда не было, констатировали, что весь его организм находится в порядке — пульс и дыхание в норме, самочувствие бодрое, потемневшая кожа

чувствительности не потеряла, не болит и не чешется. Только когда медики узнали, что молодой человек является по профессии фотографом, они сумели поставить диагноз. В то время, в отличие от современной цифровой фотографии, снимки делались очень долго на специальной светочувствительной бумаге. Их необходимо было «проявить» и «закрепить», выдержав некоторое время в различных химических растворах. Кожа фотографа за несколько лет обращения с этими химикалиями пропиталась ими. В воде Уводи, в которую он окунулся, также содержалась значительная часть таблицы Менделеева в виде самых разнообразных соединений. При их взаимодействии с теми, которые осели на коже неосторожного купальщика, произошел непредсказуемый процесс — кожа «проявилась», как в фотолаборатории, и стала темной.

В жизни фотографа сразу же возникли серьезные проблемы в личной жизни и на работе. Жена сначала не узнала его и не хотела пускать домой. Она заявила, что разведется, если он не приобретет прежний цвет. Хозяин фотографии, где он работал, сказал: «Вот что, брат, коли служить, так служить, а безобразиями нечего заниматься! У нас тут не Африка, а Иваново», — и выдал ему расчет (прямая речь процитирована нами по газетной публикации). После долгих поисков ему все же удалось устроиться на работу в какую-то второразрядную фотографию на окраине города [Старый владимирец, 1913, № 112]. По косвенным данным из газет, судьба фотографа в дальнейшем сложилась все же удачно. Его кожа обрела прежний цвет, жена раздумала разводиться, и ему удалось найти хорошее место работы.

Как уже убедились читатели из приведенных выше фактов, концентрация различных масел, красок и других химикалий в воде реки просто зашкаливала. Поэтому некоторым предприимчивым ивановцам приходили в голову мысли о том, что можно получить какой-то доход от Уводи, превращенной фабрикантами в сточную канаву.

Впервые об этом было написано не в местной, а в центральной печати, в частности в очень популярном на рубеже XIX—XX вв. журнале «Русское богатство». Автор очерков об Иваново-Вознесенске В. Дадонов сообщал о том, что Иваново-Вознесенск является единственным в центральной России местом, где практикуется... добыча нефти. По словам автора, какой-то мелкий предприниматель положил на поверхность воды бревна, которые не давали слою нефти плыть дальше по течению. Радужный слой откачивали черпаками в емкости на берегу, в дальнейшем этот улов продавался на местные фабрики по цене значительно ниже обычной нефти [Дадонов, 1900].

Инспектор В. Дадонов, очевидно, был не очень хорошо знаком с иваново-вознесенскими реалиями и в погоне за сенсациями, образно выражаясь, сгустил те краски, которые плавали по поверхности реки. Реально это была, конечно, не нефть, а целый букет продуктов ее перегонки, анилиновых красок, мышьяковистых соединений, растворенных кислот и т. п., все вместе взятое имело радужный цвет.

Через несколько лет «Владимирская газета» сообщала, что около Соковского моста на Уводи нефтяной промысел продолжался, добытую с поверхности реки жидкость в наскоро сделанном сарае превращали в колесную мазь для дальнейшей продажи [Владимирская газета, 1903, № 138]. Более подробные сведения об этом же промысле семь лет спустя опубликовал «Старый владимирец» в заметке под названием «Нефтепромышленник». Оказывается, предпринимателя звали Иваном Ивановичем. Он действовал на законных основаниях по разрешению городской управы. На берегу был уже не сарай, а «маленький заводик» с фильтрами. Он выпускал разнообразные сорта смазочных масел по разным ценам [Старый владимирец, 1910, № 271].

Результаты исследования

Подводя некоторые итоги, прежде всего отметим, что, вопреки распространенному мнению и не менее распространенному бренду, дореволюционный Иваново-Вознесенск — не город ткачей, а город отделочников. Поэтому предметы, изображенные на региональных геральдических символах, выглядят обманчиво. Главные символы города и края в целом — это не челнок, красующийся на современном гербе Ивановской области, и не прялка, которая изображена на городском гербе Иванова. На самом деле это краска и все то, что с ней связано. Самыми ценными специалистами на текстильных предприятиях являлись самородки-красовары, получавшие лишь практическую подготовку, а также ученые колористы, имевшие в своем багаже среднее или даже высшее специальное образование. Именно от их знаний, умений, навыков и прилежания зависели размеры прибыли хозяев.

В конце XIX в. в сфере технологий текстильной промышленности произошли события, последствия которых трудно переоценить. Их результаты были диаметрально противоположными для работодателей и рабочих. Внедрение в отделочное производство новых синтетических красок вместо растительных и минеральных сделало важнейшее сырье значительно более дешевым и доступным. Эти изменения принесли немалую прибыль иваново-вознесенским предпринимателям-ситцевикам, способствовали динамичному росту текстильной индустрии.

С другой стороны, применение синтетических красок резко ухудшило условия труда рабочих. При неизменной продолжительности рабочего дня и при том же, что и ранее, уровне жалованья, санитарно-техническая обстановка на производстве существенно осложнилась для его работников. Ядовитые испарения синтетических красок воздействовали одновременно на их бронхо-легочную систему, носоглотку, органы зрения и кожу, вызывая целый букет профессиональных заболеваний. Фабриканты в этих условиях не предпринимали видимых усилий по обеспечению элементарной техники безопасности.

Наряду с крайне неблагоприятными изменениями внутри человеческого организма, происходили и внешние изменения, в частности — в окраске кожи. Цвет здесь, как и в ряде других ситуаций, нес в себе важную информацию, он активно участвовал в социальной классификации человека. Если его кожа приобретала неестественный цвет, то это свидетельствовало о том, что условия его существования оставляли желать лучшего и он находился на низкой ступени социальной иерархии. Цвет не только говорил о низком социальном статусе своего носителя, но и идентифицировал его в профессиональном плане, невербально указывая на то, в каком подразделении фабрики трудился тот или иной человек.

Применение синтетических красителей не только ухудшило положение рабочих, оно крайне негативно сказалось на экологической обстановке в Иваново-Вознесенске. Особенностью текстильной промышленности и, в частности, ее красильной отрасли является то, что она несет потенциальный вред скорее не окружающей воздушной среде (дыма от текстильных предприятий не так много), а источникам воды — рекам, ручьям, прудам, колодцам, грунтовым водам и т. п. Именно туда попадали в дореволюционном «русском Манчестере» отходы производства — нефтепродукты, краски, кислоты и т. п.

Часто встречавшийся в это время в Иваново-Вознесенске радужный цвет, а точнее — радужное многоцветье, не радовало глаз местных жителей, хотя радуга — природное явление позитивное и эстетически привлекательное. Дело в том, что в «русском Манчестере» радужный цвет появлялся не на привычном месте — на небе (и это само по себе уже настораживало), а в реке и в других источниках воды. Радуга на поверхности воды была для ивановцев маркером опасности и никак не радовала их эстетические чувства. Это был верный знак того, что воду нельзя употреблять в пищу и даже для технических надобностей.

Таким образом, разнообразные краски играли в текстильной промышленности Иваново-Вознесенска двойственную роль. С одной стороны, они так или иначе обеспечивали эффективное функционирование производства, что давало работу десяткам тысяч текстильщиков. С другой стороны, появившиеся синтетические красители стали источником серьезной опасности как для рабочих, непосредственно соприкасавшихся с ними, так и для всех местных жителей, которые постоянно сталкивались с этим разноцветным и совсем не безопасным миром в процессе повседневной жизни.

Библиографический список

- Арсеньева Е. В. Вступительная статья // Ивановские ситцы: альбом. Л.: Художник РСФСР, 1983. С. 5—30.
- Бяковский В. С. Дома и люди: по достопримечательным местам города Иванова. Иваново: Иван. газ., 1998. Кн. 1. 208 с.
- Виргинский В. М., Хотеев В. Ф. Очерки науки и техники, 1870—1917 гг. М.: Просвещение, 1988. 304 с.
- Владимирская газета.
- Владимирские губернские ведомости.
- Волков И. В старом Иванове. Иваново: Ивгиз, 1945. 96 с.
- ГАВО (Государственный архив Владимирской области).
- ГАИО (Государственный архив Ивановской области).
- Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск, или Бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии). Шуя, 1884. Ч. I. 225 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1956. Т. 1. 700 с.
- Додонов В. Русский Манчестер: (письма об Иваново-Вознесенске) // Русское богатство. 1900. № 12. С. 46—57.
- Ивановский листок.
- Клязьма.
- Нефедов Ф. Д. Избранные произведения: повести, рассказы, легенды. Иваново: Иван. кн. изд-во, 1959. 492 с.
- Рабочий край.
- Рыскин С. Ф. Баллады. Поэмы. URL: http://muzeypiscoma.ucoz.ru/load/tvorchestvo_s_f_ryskina/stikhi/ii_ballady_poehmy_glavy/27-1-0-58 (дата обращения: 05.02.2021).
- Саррот Н. Детство. URL: https://bookscafe.net/read/sarrot_natali-detstvo_zolotye_plody-185425.html#p1 (дата обращения: 04.02.2021).
- Старый владимирец.
- Таганов Л. Н. «Ивановский миф» и литература. Иваново: МИК, 2006. 340 с.
- Тимофеев М. Ю. Красное и серое // Наша родина Иваново-Вознесенск. 2007. № 3. С. 23—27.
- Тихомиров А. М. Иваново. Иваново-Вознесенск: путеводитель сквозь времена. Иваново: Референт, 2011. 328 с.
- Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914. 1612 с.

References

- Arsen'eva, E. V. (1983) Vstupitel'naya stat'ya [Opening article], *Ivanovskie sitcy: Al'bom*. Leningra: Hudozhnik RSFSR, pp. 5—30.
- Byakovskij, V. S. (1998) *Doma i lyudi: Po dostoprimechatel'nym mestam goroda Ivanova* [Homes and people: Attractions of the city of Ivanovo], vol. 1, *Ivanovo: Ivanovskaya gazeta*.
- Dal', V. (1956) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Dictionary of the Living Russian Language], vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej.
- Dodonov, V. (1900) *Russkij Manchester: (Pis'ma ob Ivanovo-Voznesenske)* [Russian Manchester: (Letters on Ivanovo-Voznesensk)], *Russkoe bogatstvo*, vol. 12, pp. 46—57.

-
- Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossijskoj imperii* (1914) [Factory enterprises of the Russian Empire], Petrograd.
- Garelin, Ya. P. (1884) *Gorod Ivanovo-Voznesensk ili byvshee selo Ivanovo i Voznesenskij posad (Vladimirskoj gubernii)* [Ivanovo-Vosnesensk city or the former village of Ivanovo and Voznesensky posad (of Vladimir Province)]. vol. 1, Shuya.
- Nefedov, F. D. (1959) *Izbrannye proizvedeniya: povesti, rasskazy, legendy* [Selected works: stories, stories, legends], Ivanovo: Ivanovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Taganov, L. N. (2006) *"Ivanovskij mif" i literatura* ["Ivanov's myth" and literature], Ivanovo: MIK.
- Tihomirov, A. M. (2011) *Ivanovo. Ivanovo-Voznesensk: Putevoditel' skvoz' vremena* [Ivanovo. Ivanovo-Vosnesensk: Guide through the times Ivanovo], Ivanovo: Referent.
- Timofeev, M. Yu. (2007) Krasnoe i seroe [Red and grey], *Nasha rodina Ivanovo-Voznesensk*, no. 3, pp. 23—27.
- Virginskij, V. M., Hoteenkov, V. F. (1988) *Ocherki nauki i tekhniki, 1870—1917 gg.* [Essays of Science and Technology, 1870—1917], Moscow: Prosveshchenie.
- Volkov, I. (1945) *V starom Ivanove* [In old Ivanovo], Ivanovo: Ivgiz.